

ЛЯПУНОВ, ГЛУСКИНА И ДРУГИЕ — КТО ЖЕ ПЕРВЫМ ВЫДВИНУЛ ГИПОТЕЗУ ОБ ОТСУТСТВИИ ВТОРОЙ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ В ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОМ ДИАЛЕКТЕ?

Обнаружение того, что в северо-западном (псковско-новгородском) ареале восточнославянского диалектного континуума в полном объеме не осуществилась вторая палатализация велярных согласных, предположительно происходившая в VII–VIII веках, справедливо считается наиболее выдающимся открытием в славистике второй половины XX века. Приоритет в выдвижении и научном обосновании этой гипотезы, существенно повлиявшей на развитие восточнославянской исторической диалектологии и на представления о восточнославянском этно- и глоттогенезе, вполне справедливо признается за С. М. Глускиной. Однако во многих работах, посвященных проблемам второй палатализации, а в последнее время и в историко-лингвистических статьях русской Википедии широко распространена версия, согласно которой первым ученым, выдвинувшим эту гипотезу, был Б. М. Ляпунов, чьи идеи позднее якобы поддержала и развила С. М. Глускина. В данной статье обсуждается вопрос, насколько обоснован такой взгляд на историю и обстоятельства данного открытия. На основе анализа работ Б. М. Ляпунова, С. М. Глускиной, П. Я. Черных, С. Б. Бернштейна, Ф. П. Филина, А. А. Зализняка и других ученых, которые исследовали особенности осуществления второй палатализации в древнерусских диалектах, выясняются истоки данной версии, а также затрагиваются другие вопросы, связанные как с самой второй палатализацией, так и с историей ее изучения. Автор приходит к следующим выводам: (1) гипотеза С. М. Глускиной является оригинальной, основанной на новом материале и всесторонне аргументированной, а ее приоритет в выдвижении и обосновании данной гипотезы в настоящее время не может быть подвергнут сомнению; (2) С. М. Глускина не поддерживала и не развивала идей Б. М. Ляпунова, взгляды которого на общеславянский и тем более на общевосточнославянский характер второй палатализации не отличались от общепринятых в его время взглядов; (3) ни Ф. П. Филин, который в 1930–1940-е гг. предлагал лингвистически слабо обоснованную гипотезу, лишь отдаленно напоминающую гипотезу Глускиной, но потом отказался от нее, ни П. Я. Черных, который, видимо, и явился источником версии о приоритете Б. М. Ляпунова, не выдвигали идей, которые позволяли бы считать, что эти ученые предлагали гипотезы,

сходные с той, что выдвинула в 1960-е годы Глускина, или хоть как-то предвосхищавшие ее.

Ключевые слова: общеславянский язык, древнерусский язык, древненовгородский диалект, псковские говоры, восточнославянская историческая диалектология, историческая фонология, вторая палатализация заднеязычных (велярных) согласных, С. М. Глускина, Б. М. Ляпунов, А. А. Зализняк, Ф. П. Филин, история лингвистики.

М. В. Попов

St. Petersburg State University, Russia. m.popov@spbu.ru

Lyapunov, Gluskina and others — who was the first to put forward the hypothesis about the absence of the second palatalization in Old Novgorod dialect?

The discovery that the second palatalization of velars, which supposedly took place in the 7th-8th centuries, did not take place in the northwestern (Pskov-Novgorod) area of the East Slavic dialect continuum, is justly considered the most outstanding discovery in Slavic studies of the second half of the 20th century. The priority in putting forward and scientifically substantiating this hypothesis, which significantly influenced the development of East Slavic historical dialectology and ideas about East Slavic ethno- and glottogenesis, is rightly accredited to S. M. Gluskina. However, in many works devoted to the problems of the second palatalization, and more recently in the historical and linguistic articles on Russian Wikipedia, a version is widely circulating according to which the first scholar who put forward this hypothesis was B. M. Lyapunov, whose ideas were allegedly later supported and developed by S. M. Gluskina. The present article discusses the question of how justified the latter opinion is. Based on the analysis of the works of B. M. Lyapunov, S. M. Gluskina, P. Ya. Chernykh, S. B. Bernshtein, F. P. Filin, A. A. Zaliznyak and other scholars who studied the functioning of the second palatalization in Old Russian dialects, the origins of this version are clarified, and other issues related to both the second palatalization itself and the history of its study are raised. The author comes to the following conclusions: (1) S. M. Gluskina's hypothesis is original, it was based on new material and comprehensively grounded, and her priority in putting forward and substantiating this hypothesis cannot currently be questioned; (2) S. M. Gluskina did not support and did not develop the ideas of B. M. Lyapunov, whose views on the Common Slavic, and even more so on the Common East Slavic nature of the second palatalization did not differ from the views generally accepted in his time; (3) neither F. P. Filin, who in the 1930s–1940s proposed (and later abandoned) a linguistically poorly substantiated hypothesis only remotely reminiscent of Gluskina's, nor P. Ya. Chernykh, who, apparently, was the source of the version of B. M. Lyapunov's priority, expressed any ideas that might imply that they had proposed

hypotheses similar to the one put forward by Gluskina in the 1960s, or had in any way anticipated it.

Keywords: Common Slavic language, Old Russian language, Old Novgorod dialect, modern Pskov dialects, East Slavic historical dialectology, historical phonology, second palatalization of velars, S. M. Gluskina, B. M. Lyapunov, A. A. Zaliznyak, F. P. Filin, history of linguistic studies.

Статья посвящена одному поучительному, на мой взгляд, сюжету из истории отечественной исторической лингвистики, а именно, некоторым обстоятельствам важнейшего за последние 100 лет открытия в области славистики и палеорусистики. Открытие это состоит в том, что на определенной части восточнославянской диалектной территории — в древнем новгородско-псковском диалекте — не осуществилась вторая палатализация заднеязычных согласных. Это открытие сопровождалось некоторыми необычными обстоятельствами — отчасти драматическими, отчасти комическими, а отчасти даже полудетективными, хотя никаких преступлений, конечно, не совершалось. Об этих обстоятельствах и пойдет речь.

Для тех, кто не вовлечен в данную проблематику, вкратце напомним, что вторая общеславянская палатализация представляет собой изменение заднеязычных (или — в другой терминологии — велярных) в среднеязычные (палатальные) свистящие согласные перед новыми гласными переднего ряда $*\bar{i}_2$, $*\bar{e}_2$, появившимися в результате монофтонгизации дифтонга $*oi$:

- псл. $*k > *c > c'$: $*koil-$ > $*k\bar{e}_2l-$ > $*c\bar{e}_2l-$ > ст.-сл., др.-р. цѣлъ > рус. *цел*); $*ot(\bar{v})rokoi$ > $*ot(\bar{v})roci$ > $*ot(\bar{v})roci$ > ст.-сл., др.-р. *отроци* > рус. *отроки* (им. п. мн. ч.);

- псл. $*g > *d\check{z} > z'$: $*goil-$ > $*g\bar{e}_2l-$ > $*d\check{z}\bar{e}_2l-$ > ст.-сл., др.-р. *зѣло* > рус. устар. *зело* 'очень'; $*bogo\bar{i}$ > $*bog\bar{i}_2$ > $*bod\check{z}i_2$ > ст.-сл., др.-р. *вози* > рус. *боги* (им. п. мн. ч.);

- псл. $*x > *s'/\check{s} > s'/\check{s}'$: $*xo\bar{i}d-$ > $*x\bar{e}_2d-$ > $*\check{s}\bar{e}_2d-/s'\bar{e}_2d-$ > ст.-сл., др.-р. *сѣдъ* > рус. *сед(оу)* / пол. *szady*, чеш. *šedy*; $*mo\check{u}xoi$ > $*mo\check{u}x\bar{e}$ > $*mo\check{u}\check{s}\bar{e}/mo\check{u}\check{s}'\bar{e}$ > ст.-сл., др.-р. *моуѣ* > рус. *мухе* / пол. *musze*, чеш. *moúše*.

Открытие того, что в псковско-новгородском ареале общевосточнославянского диалектного континуума заднеязычные согласные не подверглись второй палатализации, т. е. не перешли в палатальные свистящие согласные (ср. др.-новг. *кѣле*, *кѣ тетѣкѣ*, *отроки*, на *лугѣ*, *многи*, *лаги*, *кѣ въхемо вамо*, *хѣръ* и т. п.), справедливо признается важнейшим событием в палеосла-

вистике второй половины XX в. До этого считалось, что вторая («свистящая») палатализация, которую в настоящее время обычно датируют VII–VIII вв. (Shevelov 1964: 303; Stieber 1979: 68), была общеславянским процессом и только в деталях имела диалектные расхождения: напр., у западных славян отсутствовала дистантная палатализация в группах **gv* и **kv*, а **x* изменялся не в свистящий **ś*, а в шипящий **š*). Теперь же оказалось, что у части славян, а именно в северо-западных (новгородско-псковских) говорах древнерусского (общевосточнославянского) языка вторая палатализация вовсе не осуществилась перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения (собственно вторая палатализация), а также, возможно, и после передних гласных **i*, **ь* и **ę* (< **in*), т. е. в позиции так называемой прогрессивной, или бодуэновской, палатализации (третья палатализация). Поскольку вторая палатализация обычно признается самым ранним крупным фонетическим изменением, которое дало различные результаты в диалектах распадающегося общеславянского языка, открытие древней новгородско-псковской аномалии в отношении второй палатализации оказало огромное влияние на развитие славянской и русской исторической диалектологии, т. к. подорвало представление о восточнославянском этноязыковом единстве, т. е. о монолитном древнерусском (общевосточнославянском), который предположительно выделился из праславянского и стал родоначальником трех самостоятельных языков — русского, украинского и белорусского. Однако данная статья посвящена не фонологическим и историко-диалектологическим следствиям, вытекающим из неосуществления второй палатализации в древнем новгородско-псковском диалекте (далее для краткости я буду называть его древненовгородским, тем более что это вполне справедливо для древнейшего периода) и их интерпретации, а об обстоятельствах самого этого открытия, и даже еще уже: о том, кому принадлежит приоритет в этом открытии?

В современной славистике более или менее общепризнанно, что приоритет в этом открытии принадлежит Софье Менделевне Глускиной. Впервые, видимо, она обосновала свою гипотезу в 1964 г. на 2-й псковской диалектологической конференции. Сразу отмечу, что обе «свистящие» палатализации — и вторую, и третью («бодуэновскую») Глушкина (в отличие от многих, если не большинства, современных славистов) рассмат-

ривала как один процесс, который собственно и называется второй палатализацией. Это вполне соответствует традиции, идущей еще от работ А. И. Соболевского (Sobolevskij 1889) и И. А. Бодуэна де Куртенэ (Baudouin de Courtenay 1893; Baudouin de Courtenay 1894). Из современных ученых такого же подхода придерживается В. Вермеер, который, впрочем, парадоксальным образом не распространяет его именно и только на древненовгородский диалект, где, по его мнению, третья (прогрессивная) палатализация осуществилась, а вторая нет (Wergmeer 2000: 19–20). Здесь я не буду касаться проблемы соотношения второй (регрессивной) и третьей (прогрессивной) палатализации в древненовгородском, хотя этот вопрос сам по себе представляет существенный интерес, и дальше в статье речь пойдет лишь о собственно второй (регрессивной) палатализации, относительно неосуществления которой в древненовгородском в общем и целом существует консенсус.

Не вдаваясь в детали, кратко напомним, сделала С. М. Глускина. Уже к середине 1960-х гг., прежде всего, благодаря исследованию не книжных древненовгородских письменных памятников и прежде всего берестяных грамот, стало ясно (во всяком случае Глускиной), что «отсутствие второго смягчения в падежных формах было в древнем новгородском диалекте не исключением, а самой что ни на есть нормой с самого начала письменного периода. Ср. *на отроке* (гр. 241, рубеж XI–XII или нач. XII в.), *къ Коулотъкъ* (гр. 105, XI или нач. XII в. [2-я пол. XII в. — М.П.]¹), *къ Лоукъ* (гр. 156, нач. XII в.), *Кузекѣ* (дат. п. от *Кузька*, гр. 163, сер. [кон. — М.П.] XII в.), *ко Оуике* (гр. 114, вторая пол. XII в. [кон. XII — нач. XIII в.]), *по великъ дъ(ни)* (гр. 380, XII в.) ...» (Gluskina 1968: 22). Однако, в соответствии с принятыми в сравнительно-историческом языкознании стандартами и в частности с младограмматической гипотезой о непреложности звуковых изменений формы без результатов второй палатализации в чередующихся контекстах могли объясняться и объяснялись действием морфологической аналогии, как, собственно, и формы с заднеязычными в современном

¹ В квадратных скобках приводятся принятые в настоящее время уточненные датировки берестяных грамот по (Zaliznyak 2004) и сайту «Древнерусские берестяные грамоты» www.gramoty.ru.

русском, а также инновационные императивы с *ч*, *ж*² в украинском и белорусском языках: ср.

др.-р. *цѣлѣ*, *сѣрыи*, но *роука*, *нога*, *оухо* — на *роуцѣ*, на *нозѣ*, *въ оуцѣ*;

рус. *цел*, *серый*, но *рука*, *нога*, *ухо* — на *руке*, на *ноге*, *в ухе*;

укр. *цілий*, *сірий*, но *рука*, *нога*, *вухо* — на *руці*, на *нозі*, *у вусі*;

бел. *цэлы*, *шэры*³, но *рука*, *нага*, *вуха* — на *руцэ*, на *назе*, *у вусе*;

др.-р. *сѣчи*, *лечи* (инф.) — *сѣкоу/сѣчеши*, *лагоу/лажеши* (1 ед./2 ед.) — *сѣци*, *лази* (имп. 2 ед.);

рус. *сечь*, *лечь* — *секу/сечёшь*, *лягу/ляжешь* — *секи*, *ляг*;

укр. *сікти*, *лягти* (*лячі*) — *січу/січеш*, *ляжу* (*лягу*)/*ляжеш* — *січі*, *ляж*;

бел. *сэччы* (*сячы*), *лэгчы* — *сяку/сячэш*, *лягу/ляжаш* — *сячы*, *ляж*.

С. М. Глускина исследовала материал двух типов: (1) данные **древней новгородской письменности**, в первую очередь берестяных грамот, где отсутствие свистящих рефлексов второй палатализации может быть объяснено более поздним выравниванием по аналогии (ср. приведенные выше примеры на *Нръжскѣ*, на *Лоугѣ* (№ 526, сер. XI в.), *отроки* (№ 855, сер. XII в.), *моги* (№ 227, 2-я пол. XII в.), *къ въхемо* (№ 87, кон. XII в.) и мн. др.); (2) диалектные данные — в первую очередь архаические элементы ремесленной и сельскохозяйственной лексики **современных псковских говоров**, в частности такие диалектные слова, как *кедить*, *кеж*, *кеп*, *кевка* и др., в которых свистящие рефлексы второй палатализации отсутствуют в начале корня и поэтому не могут быть объяснены действием морфологической аналогии, т.к. находятся в нечередующихся контекстах. Сопоставив, таким образом, **древний новгородский** и **современный псковский** материал С. М. Глускина пришла к выводу, что носители древнего новгородско-псковского диалекта не пережили процесса второй палатализации, а формы со свистящими рефлексами являются заимствованиями из других диалектов и из церковнославянского языка. В сжатом виде ее гипотеза была сформулирована следующим образом: «Сопоставление показаний древней новгородской письменности с этими архаическими элементами современной диалектной лексики приводит к заключению, что

² Из форм настоящего времени, где они являются рефлексами заднеязычных по первой палатализации.

³ Бел. *шэры* вм. **серы*, видимо, под влиянием польского *szary* ‘серый’.

предки псковичей и новгородцев, рано (по-видимому, в VI–VII вв.) поселившиеся на берегах озер Псковского, Чудского и Ильменя и несколько обособившиеся от других славян, вообще не пережили процесса второй палатализации» (Gluskina 1966: 465). Важным аспектом ее гипотезы является объяснение отсутствия свистящих рефлексов второй палатализации в современном русском языке в морфонологических позициях, т. е. чередующихся контекстах: Глускина объяснила эту особенность русского языка, отсутствующую в украинском и белорусском, взаимодействием позднерусских северо-западных (псковско-новгородских) и северо-восточных (ростово-суздальских) говоров в процессе формирования великорусского языкового единства в XV–XVI вв.

Становление данной гипотезы имело драматическую историю. Гипотеза Глускиной, полностью отвергнутая мэтром отечественной славистики С. Б. Бернштейном (устно в выступлении по ее докладу на конференции и, как рассказывала мне в 1983 г. сама Глускина, в весьма грубой форме⁴) и главным русистом СССР того времени Ф. П. Филином, который сделал это вполне академически, при этом предусмотрительно дав понять, что он сам еще раньше — в 1930-е гг. — высказал похожую идею (Filin 1972: 379) (об этом ниже). Гипотеза Глускиной была, тем не менее, в целом сочувственно принята или по крайней мере благосклонно оценена некоторыми отечественными и зарубежными учеными — В. В. Колесовым (Kolesov 1965: 37–40), З. Штибером⁵ (Stieber 1968; 1979: 70), Дж. Ферреллом (Ferrell 1970: 411–422) и наконец в начале 1980-х гг. А. А. Зализняком (Zaliznyak 1982), который, усилив ее доказательную базу (подробнее см. ниже), сыграл важную роль в утверждении и популяризации открытия Глускиной. Постепенно по мере накопления материала ее гипотеза завоевывала все больше сторонников и в настоящее время, особенно после работ А. А. Зализняка, принадлежит мейнстриму.

⁴ По словам С. М. Глускиной, Бернштейн сказал, что, в отличие от серьезных исследователей, она выдает за глобальные научные гипотезы «бред своего воспаленного воображения».

⁵ Стоит отметить, что польский славист Здислав Штибер распространил гипотезу о неосуществлении второй палатализации также на ростово-суздальский диалект, в отличие от С. М. Глускиной, которая ограничивала ее только псковско-новгородским диалектом.

Впрочем, на какое-то время в силу разных обстоятельств гипотеза Глускиной оказалась в тени частных, хотя и важных открытий Зализняка. В связи с этим упомяну, например, выступление Г. А. Хабургаева с докладом о славянском этно- и глоттогенезе на историческом факультете Ленинградского университета в начале 1980-х гг., на котором я присутствовал, когда он изумил ленинградских историков, археологов и лингвистов сообщением, что А. А. Зализняк «недавно» открыл отсутствие в древненовгородском диалекте второй палатализации, а на реплику проф. А. С. Герда, что значительно раньше это открыла С. М. Глускина и это хорошо известно широкому кругу отечественных и зарубежных лингвистов, несколько не смутившись, ответил: да, но сейчас-то об этом говорит Зализняк. К чести самого А. А. Зализняка, следует подчеркнуть, что сам он всегда признавал приоритет Глускиной, понимая, что «открыл» то, что уже было открыто до него: «Работ Глускиной я не знал и испытал некоторый естественный шок, поскольку ясно понял, что такое прочтение грамоты № 247 означало бы отказ от общепринятого в славистике тезиса о праславянском возрасте второй палатализации... Об этом результате я сделал доклад в Институте славяноведения. И вот на этом докладе встала Светлана Михайловна Толстая и рассказала о работе Софьи Менделевны Глускиной, которая на полтора десятилетия раньше получила такой же результат на основе анализа современных псковских говоров (в действительности, конечно, на материале не только современных говоров, но и известных на тот момент берестяных грамот, см. выше. — *М. П.*). Я помню свои смешанные ощущения. Было неловко, конечно, что я выступил с докладом, не изучив всего, что имеется по данному вопросу в научной литературе. Но перевешивало сильное положительное чувство, что, несмотря на конфликт с традиционным постулатом славистики, утверждаемое мною таки верно, коль скоро один и тот же вывод вытекает из двух совершенно различных совокупностей фактов» (Zaliznyak 2017: 142–144). Это сказано в одной из последних, если не последней, прижизненной публикации А. А. Зализняка.

Признавая приоритет Глускиной в выдвижении гипотезы, многие слависты тем не менее считают, что окончательно гипотеза все-таки была доказана Зализняком: «Впервые предположение о том, что в северо-западных говорах не осуществилась вторая палатализация, было высказано С. М. Глускиной, которая собрала обширный диалектный материал <...>. Окон-

чательно отсутствие второй палатализации для древненовгородского диалекта было доказано А. А. Зализняком, расшифровавшим некоторые, дотоле «темные», места в берестяных грамотах» (Galinskaja 2009: 64–65). Насчет «окончательной» доказанности гипотезы можно было бы, конечно, и поспорить, потому что с одной стороны для многих она уже «окончательно» была доказана Глушкиной (не хватало лишь одной детали — древних письменных свидетельств отсутствия второй палатализации в начале корня, которые и нашел Зализняк, правильно интерпретировав грамоты № 247 и № 130), а с другой — даже после открытий Зализняка остались скептики, хотя и немногочисленные (см.: Vjørnflaten 1983; 1997; Schuster-Šewc 1998: 5–6).

Однако в ряде статей русской Википедии⁶, посвященных второй палатализации, история этого открытия излагается иначе, несмотря на непререкаемый авторитет А. А. Зализняка. Так, в статье «Ляпунов, Борис Михайлович» до последнего времени утверждалось, что «Ляпунов, по-видимому, первым обратил внимание на явления отсутствия второй палатализации в древненовгородском диалекте (тезис, впоследствии развитый С. М. Глушкиной и А. А. Зализняком)»⁷. Портрет акад. Б. М. Ляпунова и сейчас помещен в статье Википедии «Вторая палатализация», как будет показано, совершенно незаслуженно, при всем уважении к почтенному слависту. В этой же статье о

⁶ Ссылки на коллективные статьи Википедии не означают, что я отношусь к ним с особым пиететом (как увидит читатель — применительно к нашей теме скорее наоборот). Но с ними приходится считаться, т. к. они иногда отражают весьма распространенные заблуждения, которые некритично воспринимаются не только широкими кругами лингвистической общественности, но и более или менее узкими специалистами. Одним из наиболее ярких примеров этого, была статья Википедии о букве Ё, в которой утверждалось, что Ё в русском письме ввела Е. Р. Дашкова, а не Н. М. Карамзин, — миф, от которого давно отказались сами его создатели, признав свою ошибку. Но в Википедии соответствующая статья была исправлена совсем недавно, после нескольких лет борьбы за это специалистов по истории русского письма.

⁷ Сейчас этот пассаж в статье отсутствует (Ляпунов, Борис Михайлович // Ляпунов, Борис Михайлович — Википедия (wikipedia.org) дата обращения 30.03.2023), возможно, после нашего доклада на соответствующую тему в Институте лингвистических исследований РАН 24 мая 2022 г. в «Чтениях, посвященных Дню славянской письменности и культуры».

неосуществлении второй палатализации в «новгородско-псковском диалекте» праславянского языка говорится в частности следующее:

«Вторая палатализация прошла во всех праславянских диалектах, кроме новгородско-псковского (ссылка на (Galinskaja 2009: 64–65). — М. П.), который, видимо, оторвался от общего массива раньше остальных (ссылка на (Zaliznyak 2004)⁸. — М. П.). Впервые эта идея была высказана в начале XX века Б. М. Ляпуновым, который обратил внимание на форму д. п. ед. ч. «рабу своему Дъмкъѣ» в Новгородской Минее 1096 года, что, впрочем, не нашло поддержки других учёных, поскольку данная форма является единичной (ссылка на (Bernshtejn 2005: 202). — М. П.). Решающее значение для решения этой проблемы имело открытие новгородских берестяных грамот, изученных в конце XX века А. А. Зализняком. В них зафиксированы многочисленные случаи отсутствия эффекта второй палатализации. В частности, Зализняку удалось «расшифровать» прежде непонятное место из древнейшей известной берестяной грамоты № 247: «а замъке кѣле а двѣри кѣлѣ» (рус. *а замок цел и двери целы*), отождествив формы *кѣле* и *кѣлѣ* с русским словом *цѣль*»⁹.

Дело, конечно, не в единичности формы *Дъмкъѣ*¹⁰, а в том, что она и многие другие более поздние легко объясняются морфологической аналогией. Обнаруженные Зализняком в берестяных грамотах др.-новг. *кѣле*, *кѣлѣ*, *хѣри* (ср. соответствующие «наддиалектные» др.-р. *цѣлѣ*, *цѣлы*, *хѣри*) в общем-то тоже единичны. Что же касается «многочисленных случаев отсутствия эффекта второй палатализации» в берестяных грамотах, то именно Глушкина (задолго до Зализняка) впервые на их массовость и указала, подкрепив материал грамот диалектными данными (пск. *кедѣть* и др. в соответствии с рус. *цедѣть* < др.-р. *цѣдѣти*), которые нельзя было объяснить морфологи-

⁸ Впервые тезис об оторванности новгородско-псковского диалекта от основного массива праславянских диалектов как причине второй палатализации на северо-западе восточнославянской диалектной территории был выдвинут С. М. Глушкиной уже в ее первой публикации на эту тему (Głuskiņa 1966).

⁹ Вторая палатализация — Википедия (wikipedia.org) дата обращения 30.03.2023.

¹⁰ Форма *Домъкъѣ* (дат. п.) с переходом сильного /ъ/ в /о/ отмечена также и в берестяной грамоте № 1045 (сер. XII в.).

ческой аналогией. В совмещении двух типов материала — древней письменности и современного диалекта — заключалось, как представляется, важнейшее достоинство метода Глускиной, позволившего ей выдвинуть гипотезу, которую многие (но далеко не все) слависты сочли «окончательно доказанной».

Вклад же Глускиной отражен в процитированной выше статье Википедии следующим образом: «Впоследствии эту гипотезу (Ляпунова. — *М.П.*) поддержала в 1966 году С. М. Глускина¹¹, указавшая на данные живых северо-западных говоров, которые сохранили лексемы без следов второй палатализации в корне, что нельзя объяснить действием грамматической аналогии». Как она ее «поддержала», мы увидим чуть позже. Отмечу попутно, что долгое время, во всяком случае до 2020 г., в статье Википедии, посвященной Глускиной, ни слова не было сказано о ее главном открытии, и даже отсутствовал ее портрет, хотя в Википедии портретов Софьи Менделевны было немало. Сейчас эта несправедливость, наконец, исправлена.

Но вернемся к Б. М. Ляпунову. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех статьях, которые упоминают его имя в связи с второй палатализацией в древненовгородском, нет ссылок на какие бы то ни было его конкретные работы, что само по себе уже настораживает. При этом если даже Ляпунов и высказал приписываемое ему предположение, то он во всяком случае был не первым, кто обратил внимание на древние новгородские формы с без рефлексов заднеязычных согласных по второй палатализации.

Так, уже в «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева (1-е изд. вышло в 1858 г.) мы читаем: «[В]еликорусский язык, по новгородскому наречию, уже в XI в. уклонялся от закона смягчения гортанных звуков в окончании падежей. Потому писец Остромирова евангелия, как бы по нынешнему выговору, употребляет форму: *пасхѣ*, не смягчая звука *х*, который в этом слове, вместо *с*, обыкновенно переходит по-церковнославянски в *ц*: *пациѣ* (от формы *пасака*)» (Buslaev 1959: 84). В Остромировом евангелии 1056–1057 гг.: 2 раза *пасхѣ* (220а, 256в — дат. ед. — в основном тексте) и 1 раз по *пациѣ* (209а — мест. ед. — в заголовке).

¹¹ Здесь речь идет о ее польской публикации (Gluskina 1966), более известной за границей.

Более подробно о северных памятниках без эффекта второй палатализации говорит А. И. Соболевский: «Формы дат. и местн. п. с гортанными (вместо ожидаемых свистящих — *М.П.*) встречается уже в старших памятниках русского письма. <...> Минея 1096 г.: рабу своему Дѣмькѣ, запись; <...> духовная новгородца Климента (датируется до 1270 г. — *М.П.*): на Борьке, и т. п. Памятники XIV в., по преимуществу севернорусские, имеют гортанные вместо свистящих и зубного уже нередко (между прочим, Тактикон 1397 г.: о праздникѣхъ 24; Новгородская лет.: въ плѣтъникихъ 117)» (Sobolevskij 1907: 213).

Кто же все-таки начал связывать имя Б. М. Ляпунова с отсутствием второй палатализации в древненовгородском? Статья «Вторая палатализация» в Википедии ссылается на С. Б. Бернштейна: «Не раз высказывалось в науке предположение, что так называемая вторая палатализация *не действовала последовательно* (выделено мною. — *М. П.*). Якобы существовали праславянские диалекты, в которых результат изменения задненебных *не был последовательно проведен в парадигмах*. Такое предположение для диалектов, лежащих в основе русского языка, делал Ляпунов, указавший на единичный факт из Новгородской Минеи 1096 г. (Дѣмькѣ дат. ед. — собственное имя Дѣмька). Однако подобные единичные примеры не являются убедительными. Отступление здесь всегда легко объяснить влиянием морфологических факторов. **Вне возможности действия этих факторов отклонений нет** (выделено мною. — *М. П.*). Об этом убедительно свидетельствуют языки русский, словенский и словацкий» (Bernshtejn 2005: 202).

Как видим, С. Б. Бернштейн приписывает Б. М. Ляпунову идею, весьма далекую от гипотезы Глускиной. Ведь у нее речь не идет о «непоследовательности проведения второй палатализации в парадигмах», а о полном отсутствии ее в древненовгородском диалекте. Однако и у Бернштейна отсутствует конкретное указание на какую-либо работу Ляпунова. Нельзя, конечно, исключить, что Бернштейн узнал о подобном предположении от самого Ляпунова, с которым он общался и переписывался (см.: Луарупов 1993), но приведенная цитата свидетельствует скорее о том, что речь идет об известном факте, который не нуждается в документальном подтверждении, по крайней мере в вузовском учебнике. Поэтому не будет слишком смелым предположить, что источником данной информации, скорее всего, является «Историческая грамматика русского языка» П. Я. Черных, вышедшая девятью годами ранее (1-е изд.

1952 г. и 2-е изд. 1954 г.). И вот что мы обнаруживаем в его книге: «Можно, хотя и с оговорками, допустить предположение, иногда высказывавшееся отдельными историками языка (например, Б. М. Ляпуновым), что в некоторых восточнославянских говорах, на севере, второе смягчение *к, г, х*, по крайней мере, в склонении, не было проведено последовательно. При этом предположении, действительно, становятся понятны такие (правда, единичные) факты, как очень ранняя форма дат. ед. *Дѣмькѣ* (вместо ожидаемого *Дѣмьцѣ*, от *Дѣмька, Домианъ*): “рабу своему *Дѣмькѣ*” — в новгородской Минее 1096 г., в записи [в 3-ем изд. 1962 г. добавлено (с. 143): «и, кроме того, в новгородской берестяной грамоте XII в. (№ 105): “от Сѣмька къ *Кулотькѣ*”»)]» (Chernykh 1952: 127).

Здесь, как позднее и у Бернштейна, в связи с предположением Ляпунова говорится о «непоследовательности» в проведении второй палатализации, а не о ее полном отсутствии на восточнославянском севере и о «единичности» примеров. А через 35 страниц в разделе об именном склонении сказано: «Возможно, впрочем, что в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на *к, г, х* под влиянием других падежей (выделено нами. — М. П.) согласные *к, г, х* с доисторического времени сохранялись без изменения в *ц, з, с* — в нарушение закона так называемого “второго смягчения”» (Chernykh 1952: 161). Таким образом, предположение, упомянутое здесь П. Я. Черных со ссылкой на Ляпунова и даже на «отдельных историков языка», по сути весьма далеко от гипотезы Глускиной, т. к. апеллирует к влиянию других падежей и к вызванной этим влиянием непоследовательности. Однако независимо от того, насколько сходны или различны между собой возможное предположение Ляпунова и реальная гипотеза Глускиной, у Черных нет никакого указания на конкретные работы ни Ляпунова, ни других ученых — мы должны поверить ему на слово. Нельзя, разумеется, исключить, что такие мнения высказывались в устных беседах «отдельных историков языка».

Между прочим, обоих — и Ляпунова, и Черных — упоминает в своей главной статье 1968 г. Глускина, что особенно важно, т. к., согласно статьям в Википедии, она «поддержала» и «развила» гипотезу Ляпунова. И вот как она ее «поддержала»: «Историки русского языка давно обратили внимание на примеры с заднеязычными вместо ожидаемых свистящих в формах склонения в древнейших новгородских памятниках (самый ранний пример — *Дѣмькѣ* в Новгородской Минее 1096 г.).

Б. М. Ляпунов высказал даже предположение, что в некоторых восточнославянских говорах на севере второе смягчение заднеязычных, может быть, с самого начала не охватило форм склонения из-за противодействия других падежей. К этой мысли присоединяется П. Я. Черных» (Gluskina 1968: 33–35). Из этого пассажа ясно, что С. М. Глускина очень четко отделила свою гипотезу от «предположения» Б. М. Ляпунова. Впрочем, и она не приводит ссылок на конкретные высказывания самого Ляпунова. Зная научную добросовестность С. М. Глускиной, не сомневаюсь, что она искала какое-нибудь подтверждение подобных высказываний Ляпунова, но не нашла и, видимо, доверилась авторитету таких ученых, как Черных и Бернштейн. И тогда возникает вопрос: а высказывал ли Ляпунов вообще что-либо подобное приписываемой ему гипотезе? И самое главное — что он вообще писал о второй палатализации и прежде всего в древненовгородском диалекте?

Из обширного научного наследия Б. М. Ляпунова мне известно, по крайней мере, две работы, в которых он затрагивает проблемы второй палатализации, причем именно в интересующем нас аспекте: во-первых, его обширный отзыв о работе Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке», вышедший отдельным оттиском (Ляпунов 1911), и, во-вторых, небольшое пособие к лекциям по истории русского языка «Единство русского языка в его наречиях» (Ляпунов 1919). В обеих работах он формулирует свою точку зрения вполне определенно.

В первой он подчеркивает, что следует отделять общедревнерусское устранение свистящих рефлексов *k в позиции второй палатализации после /s/, представлявшее собой, по мнению Ляпунова, фонетическое изменение (псл. *skě > др.-р. *sčě > *st'ě > *sk'ě¹²), от более поздней великорусской утраты свистящих, возникших по второй палатализации, которое Ляпунов в согласии с общими тогдашними представлениями объяснял действием морфологической аналогии: «<...>ск уже в древнейших памятниках северно- и южнорусских в сочетании — *скъ* местного и дат. ед. пад. (*воскъ* Сл. Григория Богослова,

¹² А. А. Шахматов колебался, являются ли эти формы результатом грамматической аналогии (*voskě > восцѣ => воскѣ под воздействием воскъ, -а и др.), или представляют собой фонетическое изменение *skě > *sčě > *stě > *skě, больше склоняясь к первому объяснению (Shakhmatov 1915: 176).

женьскѣ Свят. Сб. 1073 и 1076 г. и друг.) из *ст* мягкого в сочетании *стѣ*. <...> эти случаи, где *кѣ* после *с*, следует отделять от других *кѣ* (напр., в *Дѣмькѣ* Минеи 1096 г.), которые, насколько мне известно, в южных памятниках не отмечены и **справедливо объясняются в древнерусских говорах действием аналогии** [выделено мною. — *М. П.*]» (Ляпунов 1911: 14). Таким образом, ничего подобного позднейшей гипотезе Глушкиной, которая противостоит именно традиционному объяснению таких форм аналогией, Ляпунов в этой своей работе не выдвигает.

Вышедшая несколькими годами позднее вторая работа Б. М. Ляпунова — «Единство русского языка в его наречиях» — более концептуальна. В ней он констатирует более или менее общепринятое положение тогдашней славистики: «Можно сказать, что по XI столетие существовал единый **общерусский праязык с незначительными диалектными вариациями** [выделено мною. — *М. П.*]» (Ляпунов 1919: 5), а затем конкретизирует его применительно к нашей теме: «Всем этим говорам (имеются в виду великорусские — как северные, так и южные — говоры. — *М. П.*) свойственны следующие **подновления** (выделено мною. — *М. П.*) в звуках и формах, неизвестные древнерусскому языку и другим русским наречиям, объединившие со времени слияния в одном Московском государстве два ранее совершенно различные между собой наречия — севернорусское (говоры потомков древних кривичей и ильменских словен) и восточнорусское (говоры вятичей и, может быть, некоторых северян): <...> 3) *к*, *г* (или *h*), *х* в формах склонения и спряжения вместо древних *ц*, *з*, *с*, напр. “рукѣ”, “ногѣ”, “сохѣ”, “пеки”, “стерези” и т. п., явившееся с XI по XIV столетие» (Ляпунов 1919: 18). Таким образом, и эта брошюра Б. М. Ляпунова не содержит приписываемой ему гипотезы, поскольку, по его мнению, формы типа *рукѣ*, *ногѣ*, *сохѣ*, *пеки*, *стерези* вместо др.-рус. *руць*, *нозь*, *соць*, *пеци*, *стерези* — это инновации («подновления»), появившиеся с XI по XIV в., т. е. явно после завершения второй палатализации и, разумеется, в результате морфологической аналогии.

Имеется еще одна большая незаконченная работа Б. М. Ляпунова, посвященная древнерусской исторической диалектологии и возникновению восточнославянских языков, над которой он начал трудиться в 1930-е гг., где могли бы быть затронуты вопросы второй палатализации. Труд этот не был завершен (Б. М. Ляпунов скончался в эвакуации 22 февраля 1943 г.), но в

конце 1960-х гг. была опубликована незаконченная часть введения, в которой он комментирует некоторые фонетические и морфологические общевосточнославянские особенности, в частности указывает на мягкость рефлексов заднеязычных согласных в позиции третьей палатализации (Луарипов 1968: 182–183). Однако ни малейших следов приписываемого Ляпунову предположения о «непоследовательности» или тем более отсутствии второй/третьей палатализации в каких-либо древнерусских диалектах опубликованный отрывок рукописи не содержит.

Казалось бы, на этом можно было поставить точку, однако в этом полудетективном сюжете есть побочная линия, связанная с именем еще одного видного слависта — историка языка и диалектолога — Ф. П. Филина, который в 1930–1940-е гг. был активным марристом, а в 1960–1970-е гг. главным партийным идеологом в советской лингвистике и особенно в русистике. Для обсуждаемой в данной статье темы этот ученый важен по двум причинам. Во-первых, в 1930-е гг. он активно общался с Б. М. Ляпуновым, а во-вторых, как было упомянуто в начале статьи, он отверг гипотезу С. М. Глускиной, при этом прозрачно намекнув, что и сам когда-то высказывал похожее предположение, от которого позднее отказался¹³.

Действительно в 1930-е гг. Ф. П. Филин выдвинул гипотезу, согласно которой вторая палатализация была не общеславянским и даже не общевосточнославянским, а диалектным изменением, которое не происходило в тех восточнославянских говорах («протовеликорусских»), впоследствии сформировавших собственно русский (великорусский) язык. При этом очевидный факт присутствия свистящих рефлексов заднеязычных по второй палатализации в древнерусских памятниках письменности с соответствующей диалектной территории он объяснял влиянием устойчивой церковнославянской книжной традиции: «Позже, с усиливающейся демократизацией литературного языка, второе смягчение отступает все более и более на задний

¹³ Рискну предположить, что отказался, опасаясь обвинений в том, что его идея 1930-х гг., как и гипотеза Глускиной 1960-х гг., могла быть использована теми, кто выступал против концепции древнерусского этноязыкового единства — концепции, которая была фактически официальной в советской палеорусистике. В 1930–1940-е гг. она наоборот вполне вписывалась в господствовавшую тогда линию на критику сравнительно-исторического языкознания.

план, заменяясь соответствующим народным произношением. В современных русских диалектах нет никаких следов изменения **г, к, х** в **ц, з, с** перед гласными **и** и **ѣ** (а также и после них [? — *М. П.*]¹⁴), что особенно подчеркивает книжный характер этой звуковой особенности на русской почве» (Filin 1940: 63–65). Таким образом, основным аргументом в пользу его тогдашней гипотезы для Филина служило отсутствие в русском языке результатов второй палатализации. Его гипотеза 1930-х гг. выглядит значительно радикальнее, чем гипотеза Глушкиной 1960-х гг., которая распространялась только на псковско-новгородский диалект. Однако в отличие от последней предположение Филина было лингвистически весьма слабо аргументировано. Ф. П. Филин, выдвигая свою спекулятивную гипотезу, странным образом полностью проигнорировал тот факт, что русский язык и известные Филину великорусские говоры знают только такие формы с отсутствием результатов второй палатализации, которые, с точки принятых тогда стандартов сравнительно-исторического языкознания, легко объясняются и традиционно всегда и объяснялись позднейшим выравниванием по аналогии (*руке, сапоги, сохе, но цел, серый*). Это странное игнорирование фактов и методов сравнительно-исторического языкознания перестает быть удивительным, если учесть марристский бэкграунд Ф. П. Филина, который в те годы был активным и даже агрессивным марристом, и поэтому позволял себе то, что не могли себе позволить его предшественники и многие современники (тот же Б. М. Ляпунов). Позднее Филин, вернувшись в лоно традиционной младограмматической научной парадигмы, полностью отрекся от своей гипотезы, о чем мы узнаем из его книги (Filin 1972: 379–380). При этом он не принял как предположение П. Я. Черных, что «в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на **к, з, х** под влиянием других надеждей согласные **к, з, х** с доисторического времени сохранялись без изменения в **ц, з, с** — в нарушение закона так называемого “второго смягчения”», считая, что его нельзя доказать, так и гипотезу Глушкиной. Предположение Черных Филин отвергал

¹⁴ Это, разумеется, грубая и труднообъяснимая ошибка (которую невозможно считать за опечатку), т. к. третья («прогрессивная») палатализация никогда не осуществлялась после *ѣ, а если Филин трактовал «прогрессивную» палатализацию как особое условие второй, то в говорах ее следов как раз очень много.

уже с младограмматических позиций, не допуская самой возможности действия морфологической аналогии в ходе процесса звукового изменения. В случае же с Глускиной Филин не принял ее гипотезу, скорее всего, из осторожности (как бы чего не вышло!), не выдвинув против нее ни одного весомого аргумента: «Пока трудно сказать что-либо определенное о происхождении слов с *к* от *кѣд-*, *кѣв-* и *кѣп-*. Не исключено, что они действительно представляют собой фонетический архаизм, хотя с уверенностью об этом сказать нельзя. Однако нельзя ставить в один ряд эти слова с интересующими нас здесь падежными формами. <...> Во всяком случае, естественнее объяснять появление *к*, *з*, *х* в падежных формах как результат выравнивания основ, имевший место и в некоторых других славянских областях» (Filin 1972: 381). При этом по поводу ключевых для ее гипотезы диалектных псковских примеров Филин, сославшись на статью (Durnovo 1926), загадочно добавил: «Кстати, на слова этого рода обратил внимание еще Н. Н. Дурново». Любопытно, что в указанной статье Дурново, где обсуждаются совсем другие вопросы, нет даже намек на псковские диалектные слова с начальным корневым **kě-*, обнаруженные С. М. Глускиной этого рода», что совершенно ясно и из названия его статьи, где речь идет о словах с начальным **skě-* (см. также рус. пер. в Durnovo 2000: 383–390).

В связи с ошибочным упоминанием Филиным статьи Дурново отмечу, что никто, по-моему, никогда не обращал внимания на любопытное объяснение А. А. Шахматовым незакономерного [к] вместо [ѣ] «в таких случаях, как кивцы: цѣвки, на которые наматывают нитки» (Shakhmatov 1915: 176), т. е. действительно в случаях аналогичных тем, которые С. М. Глускина обнаружила в псковских говорах и на которые она прежде всего опиралась в своей гипотезе. Шахматов предположил, что «[к] вместо [ѣ]» здесь явилось «быть может, в сочетании слов; напр. съ цѣвѣку переходило в сѣвѣку и далее в шкѣвѣку, откуда извлекалось кѣвѣку» (Shakhmatov 1915: там же), т. е. дал комбинированное объяснение, основанное с одной стороны на его предположении о фонетическом изменении **skě > *śćě > *škě* (см. выше примечание 11) и на аналогии: *ćěvky => kěvky*.

Возвращаясь к нашей основной теме, подчеркну, что ни в книге 1940 г., ни в книге 1972 г. Филин, которого трудно упрекнуть в незнании литературы вопроса, ни словом не упоминает мифическую «гипотезу Ляпунова», с которым, кстати, он общался в конце 30-х гг. Во всяком случае, в предисловии к

своей книге 1940 г. он считал необходимым сообщить читателю: «Автор особенно признателен акад. Б. М. Ляпунову, сделавшему много ценных замечаний на полях рукописи настоящего очерка, которые были использованы при окончательной обработке книги» (Filin 1940: 6).

Итак, выводы, вытекающие из нашего исследования, очевидны:

1. Гипотеза С. М. Глускиной о неосуществлении второй палатализации в псковско-новгородском диалекте является оригинальной, не имеющей предшественников, а ее приоритет в формулировании и обосновании этой гипотезы не может быть подвергнут в настоящее время сомнению.

2. С. М. Глускина не поддерживала и не развивала гипотезу Б. М. Ляпунова, поскольку у последнего не было в отношении второй палатализации никакой гипотезы, которая отличалась бы от общепринятых в его время представлений.

3. Ни Ф. П. Филин, ни П. Я. Черных не выдвигали гипотез, которые позволяли бы считать, что они как-то повлияли на формирование гипотезы С. М. Глускиной.

4. По иронии судьбы псковско-новгородское явление, обнаруженное С. М. Глускиной в середине 1960-х гг., примерно полтора десятилетиями позже было вторично открыто А. А. Зализняком, который, не будучи знаком с ее работами о второй палатализации, добавил важный и в значительной степени решающий новый материал в пользу ее гипотезы.

Литература

- Baudouin de Courtenay, I. A. 1893: [Two questions from the doctrine of “softening” or palatalization in Slavic languages]. *Uchenye zapiski Yur'evskogo universiteta* [Scientific notes of Yur'ev university] 2, 1–20.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. 1893: Два вопроса из учения о «смягчении» или палатализации в славянских языках. *Ученые записки Юрьевского ун-та* 2, 1–20.
- Baudouin de Courtenay, J. 1894: Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalization). *Indogermanische Forschungen* 4, 45–57.
- Bernshtejn, S. B. 2005: [*Comparative grammar of Slavic languages*]. Moscow.
- Бернштейн, С. Б. 2005: *Сравнительная грамматика славянских языков*. М.
- Bjørnflaten, J. I. 1997: [The experience of linguistic geography of the Pskov region], In: *Pskovskie govory. Istoriya i dialektologiya*

- rusского yazyka [Pskov dialects. History and dialectology of the Russian language]*. Oslo: Solum Forlag, 1997, 8–29.
- Бьёрнфлатен, Я. И. 1997: Опыт лингвогеографии Псковской области. В сб.: *Псковские говоры. История и диалектология русского языка*. Oslo: Solum Forlag, 8–29.
- Bjørnflaten, J. I. 1983: *On the history of the Common East Slavic Morphological Alternation /K => C/ in the Nominal Flexion of the Three East Slavic Languages*. The Ninth International Congress of Slavists, Kiev 1983. Tromsø: University of Tromsø.
- Buslaev, F. I. 1959: [*Historical grammar of the Russian language*]. Moscow.
- Буслаев, Ф. И. 1959: *Историческая грамматика русского языка*. М.
- Chernykh, P. Ya. 1952: [*Historical grammar of the Russian language. A brief essay*]. Moscow. (2nd ed., 1954; 3rd ed., 1962).
- Черных, П. Я. 1952: *Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк*. М.: Учпедгиз (2-е изд. М., 1954; 3-е изд. М., 1962).
- Drevnerusskie berestyanye gramoty [Old Russian birch bark documents]. Древнерусские берестяные грамоты. www.gramoty.ru.
- Durnovo, N. 1926: Le traitement de *sk dans les langues slaves. *Revue des études slaves* VI, fasc. 3–4, 216–223.
- Durnovo, N. N. 2000: [Reflex of *sk in Slavic languages]. In: *Durnovo N. N. Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected works on the history of the Russian language]. Moscow, 383–390.
- Дурново, Н. Н. 2000: Рефлекс *sk в славянских языках. В кн.: *Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка*. М.: Языки русской культуры, 383–390.
- Ferrell, J. 1970: Cokane and the Palatalization of Velars in East Slavic. *Slavic and East European Journal*, XIV/4, 411–422.
- Filin, F. P. 1940: [*An essay on the history of the Russian language before the XIV century*]. In: *Uchenye zapiski LPI im. A. I. Gercena* [Scientific notes of the Leningrad Pedagogical Institute named after A.I. Herzen] XXVII. Leningrad.
- Филин, Ф. П. 1940: *Очерк истории русского языка до XIV столетия*. Ученые записки ЛПИ им. А. И. Герцена XXVII. Л.
- Filin, F. P. 1972: [*The origin of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. Historical and dialectological essay*]. L.: Nauka.
- Филин, Ф. П. 1972: *Происхождением русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк*. Л.: Наука.
- Galinskaya, E. A. 2009: [*Historical phonetics of the Russian language*]. Moscow.
- Галинская, Е. А. 2009: *Историческая фонетика русского языка*. М.

- Gluskina, S. M. 1966: [Changes by analogy and the language system]. In: *Materialy vsesoyuznoj konferencii po obshchemu yazykoznaniiu «Osnovnye problemy evolyucii yazyka»* [Materials of the All-Union Conference on General Linguistics "The main problems of language evolution"], II/2. Samarkand, 462–467.
- Глускина, С. М. 1966: Изменения по аналогии и система языка. В сб.: *Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка»*, II/2. Самарканд, 462–467.
- Gluskina, S. M. 1968: [On the second palatalization of velars in the Russian language (based on the material of North-Western dialects)]. *Pskovskie govory, 2. Trudy vtoroj Pskovskoj dialektologicheskoi konferencii 1964 goda* [Pskov dialects, 2. Proceedings of the second Pskov Dialectological Conference of 1964]. Pskov, 20–43.
- Глускина, С. М. 1968: О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров). *Псковские говоры. Т. II. Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года*. Псков, 20–43.
- Gluskina, Z. 1966: O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich. *Slavia Orientalis*, XV/4, 475–482.
- Kolesov, V. V. 1965: [Towards the phonological interpretation of the Northern Russian cokan'e]. *Tezisy докладов na X dialektologicheskoi soveshchani* [Abstracts of reports at the X Dialectological conference]. Moscow, 37–40.
- Колесов, В. В. 1965: К фонологическому объяснению севернорусского цоканья. *Тезисы докладов на X диалектологической совещании*. М., 37–40.
- Lyapunov, V. M. 1911: [Review of N. M. Karinsky's work: "The language of Pskov and its region in the XV century (SPb., 1909)"]. St. Petersburg.
- Ляпунов, Б. М. 1911: *Отзыв о сочинении Н.М. Каринского: «Язык Пскова и его области в XV веке (С.-Пб. 1909 г.)»*. СПб.
- Lyapunov, V. M. 1919: [The unity of the Russian language in its dialects. A guide to lectures on the history of the Russian language]. Odessa.
- Ляпунов, Б. М. 1919: *Единство русского языка в его наречиях. Пособие к лекциям по истории русского языка*. Одесса.
- Lyapunov, V. M. 1968: [The oldest mutual relations of Russian and Ukrainian languages and some conclusions about the time of their emergence as separate linguistic groups]. In: *Russkaya istoricheskaya leksikologiya* [Russian Historical Lexicology]. Moscow: Nauka, 163–202.
- Ляпунов, Б. М. 1968: Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их

- возникновения как отдельных лингвистических групп. В сб.: *Русская историческая лексикология*. М.: Наука.
- Lyapunov, B. M. 1993: [Seventeen letters of academician B. M. Lyapunov (from the archive of S. B. Bernshtejn)]. *Vestnik MGU. Filologija* [*Bulletin of the Moscow State University. Philology*] 6, 54–67.
- Ляпунов, Б. М. 1993: Семнадцать писем академика Б. М. Ляпунова (из архива С. Б. Бернштейна). *Вестник МГУ. Филология* 6, 54–67.
- Lyapunov, Boris Mikhajlovich. www.wikipedia.org. (data obrashcheniya 30.03.2023).
- Schuster-Šewc 1998: [Towards the question of the so-called Proto-Slavic archaisms in the Old Novgorod dialect of the Russian language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language] 6, 3–10.
- Шустер-Шевц, Х. 1998: К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка. *Вопросы языкознания* 6, 3–10.
- Shevelov, G. Y. 1964: *A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic*. Heidelberg: Winter.
- Sobolevskij, A. I. 1889: [Common Slavic sound changes]. *Russkij filologicheskij vestnik* [*Russian Philological Bulletin*] 22, 1–49.
- Соболевский, А. И. 1889: Общеславянские изменения звуков. *Русский филологический вестник* 22, 1–49.
- Sobolevskij, A. I. 1907: [*Lectures on the history of the Russian language*]. 4th ed. Moscow.
- Соболевский, А. И. 1907: *Лекции по истории русского языка*. 4-е изд. М.
- Stieber, Z. 1968: Druga palatalizacja tylnojęzykowych w świetle atlasu dialektów rosyjskich na wschód od Moskwy. *Rocznik slawistyczny* 29, 3–7.
- Stieber, Z. 1979: *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Schuster-Šewc 1998: [Towards the question of the so-called Proto-Slavic archaisms in the Old Novgorod dialect of the Russian language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language] 6, 3–10.
- Шустер-Шевц, Х. 1998: К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка. *Вопросы языкознания* 6, 3–10.
- Vermeer, W. 2000: On the status of the earliest Russian isogloss: four untenable and three questionable reasons for separating the progressive and the second regressive palatalization of Common Slavic. *Russian Linguistics* 24, 5–29.
- Vtoraya palatalizaciya [Second palatalization]. Вторая палатализация — wikipedia.org
- Zaliznyak, A. A. 1982: [Towards the historical phonetics of the Old Novgorod dialect]. *Balto-slavyanskie issledovaniya. 1981* [*Balto-Slavic studies. 1981*]. Moscow: Nauka, 61–80.

- Зализняк, А. А. 1982: К исторической фонетике древненовгородского диалекта. *Балто-славянские исследования. 1981*. М.: Наука, 61–80.
- Zaliznyak, A. A. 2004: [*Old Novgorod dialect*]. Moscow. Зализняк, А. А. 2004: *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянской культуры.
- Zaliznyak, A. A. 2017: [To the centenary of the birth of Sofia Mendelevna Gluskina]. In: [*Pskov dialects and their researchers (to the 100th anniversary of the birth of S. M. Gluskina and the 50th anniversary of the 1st issue of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data)*] 2. Pskov, 142–144.
- Зализняк, А. А. 2017: К столетию со дня рождения Софьи Менделевны Глушкиной. В сб.: *Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода I выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»)* 2, Псков: ЛОГОС, 142–144.